

Глава 6

«Дитя зело изрядная...»

Та Франция, которую Петр собирался посетить в 1717 году, напоминала огромную, сложную и запутанную систему планет, вращающихся вокруг солнца – некогда источника тепла, жизни и смысла для всей системы, – которое теперь угасло. 1 сентября 1715 года Людовик XIV, Король-Солнце, скончался в возрасте семидесяти шести лет, после семидесятидвухлетнего правления. На протяжении тридцати пяти лет правление Людовика совпадало с царствованием Петра, другого великого монарха той эпохи. Но Людовик и Петр принадлежали к разным поколениям, и по мере того как росло влияние Петра и мощь России, меркла слава Короля-Солнце.

Последние годы Людовика были омрачены семейной трагедией. Единственный его выживший законный отпрыск и наследник, бесцветный великий дофин, трепетавший перед своим отцом, скончался в 1711 году. Новый дофин, сын покойного и внук короля, герцог Бургундский – красивый, обаятельный, умный молодой человек – олицетворял надежды Франции на будущее. Его красавица жена Мария Аделаида Савойская едва ли не превосходила его блеском. Попад в Версаль как невеста-дитя, она выросла на глазах стареющего короля, который без памяти ее любил. Говорили, что за всю свою долгую жизнь ни одну женщину он не любил так, как невесту внука. Но внезапно в 1712 году и новый дофин, и его веселая молодая жена умерли, в одну неделю унесенные оспой – он тридцати лет от роду, она двадцати семи. Следующим дофином стал старший из их сыновей, правнук Людовика. Через несколько дней от оспы умер и он.

У короля, которому было уже больше семидесяти лет, остался только один правнук, розовощекий младенец, последний отпрыск по прямой линии. Он тоже переболел оспой, но выздоровел, потому что его нянька заперла двери и попросту не пустила к нему врачей с их кровопусканиями и рвотными. Так новый маленький дофин чудом уцелел и пятьдесят девять лет правил Францией под именем Людовика XV. На смертном ложе Людовик XIV призвал к себе правнука и наследника, которому тогда исполнилось пять лет. Оставшись один на один, эти двое Бурбонов, которые в общей сложности процарствовали во Франции 131 год, смотрели друг на друга. Потом Король-Солнце сказал: «Дитя мое, однажды ты станешь великим королем. Не подражай мне в пристрастии к войнам. Все свои дела соотноси с законом Господним и заставь подданных почитать Его. Когда я думаю, что оставляю их в таком тяжелом положении, сердце у меня разрывается на части».

После смерти Короля-Солнце Версаль быстро опустел. Из больших покоев вынесли мебель, великолепный двор рассеялся. Новый король жил в Тюильри, в Париже, и, прогуливаясь в саду, парижанам случалось видеть его – пухлого розовощекого мальчика, с локонами до плеч, с густыми ресницами и длинным, как у всех Бурбонов, носом.

Власть во Франции перешла в руки регента Филиппа, герцога Орлеанского⁷ – племянника Людовика XIV, который являлся первым принцем крови и ближайшим наследником престола после ребенка-короля. В 1717 году Филипп был сорокадвухлетним низеньким здоровяком и отчаянным ловеласом – не пропускал ни знатных дам, ни танцовщиц из оперы, ни уличных девок. Он имел особый вкус к блудницам и к невинным сельским девушкам, только что приехавшим в Париж. Его ни капли не интересовало, красива женщина или уродлива. Мать Филиппа признавалась: «Он до женщин сам не свой. Ему дела нет, каковы они собой, лишь бы были веселы, не скромничали, любили поест и выпить». Однажды, когда она что-то сказала Филиппу относительно его неразборчивости, он добродушно возразил: «Ах, маман, ночью все кошки серы».

Приватные ужины у регента в Пале-Рояле были во Франции притчей во языцех. За надежно забаррикадированными дверями он и его друзья вкушали яства, возлежа на кушетках в обществе танцовщиц из оперы, которые были одеты в легкие прозрачные наряды,

⁷ Точнее, Филипп Орлеанский, герцог Шартрский. – *Примеч. ред.*

а потом танцевали и вовсе нагими. Регент не просто плевал на всякие приличия – он получал истинное удовольствие, их нарушая. Дома за столом его язык бывал так непристоен, что жена отказывалась приглашать к обеду гостей. Он ни в грош не ставил религию и однажды, явившись к мессе, раскрыл книгу Рабле и начал вслух читать ее, не обращая внимания на службу. Его жена, дочь Людовика XIV и мадам де Монтеспан, родила восьмерых детей и почти всю жизнь просидела, запершись в своей комнате и мучаясь мигренями.

Зная все это, многие во Франции опасались за жизнь юного короля Людовика XV. Ведь случись что-нибудь с мальчиком, королем стал бы регент. Но на самом деле эти страхи были беспочвенны. При всей своей непристойной развязности Филипп обладал множеством хороших качеств. Он был не только сластолюбцем, но и гуманным, сострадательным человеком, и в числе его грехов не было ни зависти, ни честолюбия. У него были неотразимый голос и обаятельная улыбка, и когда он хотел, его манеры и жесты обретали изящество и выразительность. Его пленяли науки и искусства. Его апартаменты в Пале-Рояле были увешаны картинами Тициана и Ван Дейка, он сам сочинял камерную музыку, исполняемую и в наши дни. И наконец, регент был безоговорочно предан маленькому мальчику, вверенному его заботам, и стремился лишь сберечь престол до тех пор, пока король не достигнет совершеннолетия. В шесть утра Филипп неизменно приступал к работе, сколь буйной ни была бы предыдущая ночь. Никто из наперсников его забав, мужчины ли, женщины, не имел ни малейшего влияния на его решения или политику. Он ясно видел, до какой отчаянной нужды довели страну военные авантюры его блистательного дядюшки. Все восемь лет регентства Филиппа французские солдаты не покидали казарм, кроме одной незначительной стычки с испанцами. Основой внешней политики Филиппа был мир, и, к немалому изумлению всей Европы, краеугольным камнем новой политики Франции стала дружба с Англией.

* * *

Незадолго до приезда Петра в Париж цепь драматических событий нарушила давно устоявшийся в Западной Европе порядок. С падением правительства вигов в Англии Мальборо лишился своей власти, и шедшее со скрипом англо-голландское наступление на севере Франции совсем застопорилось. Новое правительство тори стремилось к миру, и утомленный, дряхлеющий Король-Солнце с радостью пошел навстречу. Мир был подписан в 1713 году, вместе с Утрехтским договором, и война за Испанское наследство, в которую были втянуты все державы Западной Европы, завершилась. Вскоре ушел в небытие и сам Король-Солнце. Смерть посетила и английский королевский дом. Скончалась королева Анна, не оставив наследника-протестанта из рода Стюартов, так как все ее шестнадцать детей умерли в младенчестве или в детстве. Ради того, чтобы обеспечить престолонаследие по протестантской линии, что было заранее согласовано с парламентом, на английский престол взошел ганноверский курфюрст Георг Людвиг под именем короля Георга I, сохранив при этом и власть над Ганновером.

Все эти события, вместе взятые, придали Европе совершенно новый дипломатический облик. Помирившись между собой, западные страны могли теперь уделить больше внимания театру военных действий, который раньше оставался для них на втором плане; войне в Северной Европе. Англию, вышедшую из войны за Испанское наследство с неоспоримым преимуществом на море, заботило, как скажется на британской торговле на Балтике растущая мощь России в этом регионе, и сильные английские, военно-морские эскадры начали появляться в северных водах. Враждебно был настроен к Петру и Ганновер, страшившийся новоявленного русского присутствия в Северной Германии. Трижды король-курфюрст отказывался от предложений Петра о встрече, требуя, чтобы сначала все русские войска были выведены из Германии.

Тем временем внешняя политика Франции совершила невероятный кульбит. Вместо того чтобы враждовать с Англией и помогать католикам-якобитам, Франция времен

регентства Филиппа Орлеанского пошла на сближение с Англией и гарантировала права протестантской Ганноверской династии. Да и длительная поддержка, которую Франция оказывала Швеции, казалось, вот-вот прекратится. Король-Солнце годами субсидировал шведов и использовал их как противовес, отвлекавший австрийского императора на германские дела. Теперь же, когда шведы были разбиты и изгнаны из Германии, а силы императора Габсбурга серьезно возросли, Франции требовался новый союзник на Востоке. Естественно, взгляды Франции обратились к петровской России, за последнее десятилетие поднявшейся до положения ведущей державы. По дипломатическим каналам до России начали доходить различные намеки и авансы. Петр внимал им с большой охотой. Несмотря на то что все годы его царствования Франция противостояла ему в Польше и Константинополе, он видел, как меняется расстановка сил в Европе. Союз или соглашение с Францией уравнивали бы натянутые отношения Петра с Ганновером и Англией, которые становились хуже день ото дня. Более того, он смотрел на помощь Франции как на возможность поскорее закончить Северную войну. Франция по-прежнему платила ежемесячную субсидию шведам; если бы это прекратилось вместе с дипломатической поддержкой Швеции со стороны Франции, то, как надеялся Петр, ему удалось бы наконец уговорить попавшего в изоляцию Карла XII пойти на заключение мира.

Петр обратился к Франции с предложением поистине смелым: взять вместо Швеции Россию в союзники на Востоке. В дополнение Петр брался привлечь к договоренности и Пруссию с Польшей. Сознывая, что камнем преткновения окажутся договоры Франции с Англией и Голландией, Петр уверял, что новый союз не станет помехой прежним. В частности, царь предлагал, чтобы в обмен на российские гарантии Утрехтского мира Франция прервала субсидирование Швеции и вместо этого выплачивала бы России по 25 000 крон в месяц до конца Северной войны: он надеялся, что, если за его спиной будет стоять Франция, война не затянется надолго. Наконец, Петр предлагал заключить между странами еще и родственный союз. Дабы прочнее скрепить новый франко-русский альянс и ознаменовать вступление России в семью великих держав, он готов был выдать свою восьмилетнюю дочь Елизавету за семилетнего короля Франции Людовика XV.

Подобные предложения звучали весьма привлекательно для французского регента, но для того, кто определял внешнюю политику Франции – аббата Гийома Дюбуа, они были неприемлемы. Новоиспеченный англо-французский союз был его детищем, и он боялся, что из-за любого соглашения с Россией все может разладиться. В письме к регенту Дюбуа энергично отговаривал его рассматривать русские предложения: «Если, упрочив положение царя, вы выгоните англичан и голландцев из Балтийского моря, то навлекете на себя вечную ненависть этих двух стран». И далее Дюбуа предупреждал, что ради недолговечной связи с Россией регент рискует порвать отношения с Англией и Голландией. «Царь страдает хроническими болезнями, а его сын никаких обязательств отца выполнять не станет».

Петр, взволнованный собственной инициативой, считал, что сумеет достичь большего, если сам повидается с регентом, и решил ехать в Париж. К тому же Амстердам, Лондон, Берлин и Вена он видел, а Париж еще нет. Через Куракина, своего посла в Голландии, он сообщил регенту, что желает прибыть с визитом.

Об отказе речи быть не могло, хотя и регента, и его советников мучили недобрые предчувствия. Согласно дипломатической традиции, принимающая страна брала на себя расходы по содержанию гостей, а затраты на царя со свитой предстояли гигантские. Более того, Петр имел репутацию человека импульсивного, обидчивого и вспыльчивого, да и о многих в его свите говорили то же самое. Тем не менее регент приготовился: царя следовало принять как великого европейского монарха. Целый караван экипажей, лошадей, повозок и королевских слуг под началом господина де Либуа, дворянина из числа ближайшего окружения короля, отправился в Кале, чтобы оттуда препроводить русских гостей в Париж. Либуа должен был оказывать Петру почести, прислуживать ему и оплачивать его расходы. В это время в Париже, в Лувре, для гостя готовились покои Анны Австрийской, матери Короля-Солнце. Однако Куракин, зная петровские пристрастия, высказал мнение, что его

господину будет удобнее в какой-нибудь резиденции поменьше и поскромнее. Поэтому приготовили также красивый уединенный особняк, Отель Ледигьер. На тот случай, если бы царь предпочел поселиться именно в нем, дом обставили элегантной мебелью из дворцовых запасов. Из Лувра были доставлены великолепные кресла, полированные конторки и инкрустированные столы. Отрядили поваров, слуг и пятьдесят солдат, чтобы те обеспечивали его питание, комфорт и безопасность.

Тем временем Петр со свитой, состоявшей из шестидесяти одного человека, включая Головкина, Шафирова, Петра Толстого, Василия Долгорукого, Бутурлина, Остермана и Ягужинского, не спеша ехал по Нидерландам. По своему обыкновению, царь часто останавливался, чтобы осмотреть какой-нибудь городок, изучить местные достопримечательности, познакомиться с людьми и их жизнью. Он снова путешествовал отчасти инкогнито, чтобы как можно меньше времени тратить понапрасну на официальные церемонии. Тем не менее ему приятно было слышать, проезжая, как в его честь звонят в церковные колокола и стреляют из пушек. Екатерина сопровождала его до Роттердама; решено было, что она дождется Петра в Гааге. Он полагал, что ее присутствие во Франции повлечет за собой дополнительные затяжные церемонии, от которых он один сумеет уклониться.

Из Роттердама Петр на корабле доплыл до Бреды и по Шельде поднялся до Антверпена, где с высоты кафедрального собора обзирал город. Из Брюсселя он написал Екатерине: «Посылаю к тебе кружива на фантанжу и на агажанти [речь идет о кружевных лентах, укрепляемых в волосах и на корсаже по тогдашней парижской моде], а понеже здесь славные кружевы из всей Эуropy и не делают без заказа, того для пришли образец, какие имена или гербы во оных делать». Из Брюсселя Петр взял курс на Гент, Брюгге, Остенде и Дюнкерк и наконец добрался до французской границы в Кале, где остановился на девять дней, чтобы соблюсти последнюю неделю Великого поста и отпраздновать русскую Пасху.

В Кале русских путешественников встречал Либуа с французским почетным эскортом. Первое же знакомство с русским характером оказалось для Либуа тяжким испытанием. Гости жаловались, что кареты, им предоставленные, никуда не годятся, швырялись деньгами направо и налево, а Либуа должен был оплатить все до последнего эку. В отчаянии он умолял парижские власти назначить царю со свитой жесткую ежедневную квоту расходов, а там пусть русские спорят между собой, как ее тратить.

Либуа получил приказ докладывать в Париж о привычках гостей и уточнить цели их визита. Он нашел, что понять Петра невозможно: вместо того чтобы заниматься серьезными делами, он праздно наслаждался жизнью, прохаживался, разглядывал предметы, по мнению Либуа интереса не представляющие. «Этот маленький двор, – писал он о русском посольстве, состоявшем из двадцати двух знатных персон и тридцати девяти прислужников, – очень переменчив в настроении, пребывает в вечной нерешительности, и все, от трона до конюшни, невероятно подвержены гневу». Он докладывал, что царь «очень высокого роста, сутуловат, имеет привычку пригибать голову. Волосы у него темные, и в выражении лица есть какая-то свирепость. Кажется, он наделен живым умом и все схватывает на лету, в движениях его заметно некоторое величие, но мало сдержанности». Эту же тему Либуа развивает в следующем донесении: «В царе, несомненно, можно найти зерна добродетели, но они совсем дикие и очень сильно перемешаны с недостатками. Я думаю, что больше всего ему недостает цельности и постоянства намерений и что он еще не достиг той черты, когда можно было бы положиться на договоренность с ним. Я признаю, что князь Куракин вежлив; похоже, он умен и желает все устроить к нашему обоюдному удовлетворению. Не знаю, происходит ли это из-за его характера или из страха перед царем, которому, как я уже сказал, нелегко угодить, но которого зато легко рассердить. Как представляется, князь Долгорукий – достойный человек, и царь его очень уважает; единственное неудобство состоит в том, что он не понимает совершенно ни одного языка, кроме русского. В связи с этим позвольте мне заметить, что слово „московит“ и даже „Московия“ глубоко оскорбительны для всего этого двора.

Царь встает очень рано, обедает около десяти часов, ужинает часов в семь и отходит ко сну еще до девяти. Перед едой он пьет крепкие напитки, после полудня пиво и вино, ужинает очень легко, а иногда и совсем не ужинает. Я не видел ни одного совета или собрания ради серьезных дел, если только они не обсуждают дел за выпивкой, а все вопросы решает царь единолично и немедленно, что бы ни случилось. Этот монарх постоянно разнообразит свои развлечения и прогулки, он необычайно быстр, нетерпелив, и ему крайне трудно угодить... Он особенно любит смотреть на воду. Царь живет в больших апартаментах, а спит в какой-нибудь задней комнатухе, если таковая имеется».

Для сведения французских метрдотелей и поваров, которым предстояло готовить еду для русского гостя, Либуа передает особые рекомендации: «У царя есть старший повар, который ему каждый день готовит два или три блюда, расходуя на это столько вина и мяса, что хватило бы накрыть стол для восьмерых.

По пятницам и субботам ему подают и мясную, и постную пищу.

Он любит острые соусы, грубый черный хлеб и зеленый горошек.

Он ест много сладких апельсинов, яблок и груш. Обычно он пьет светлое пиво, а вечерами темное вино, но не крепкие напитки.

По утрам он пьет анисовку, крепкие напитки перед едой, пиво и вино после полудня. Все это порядком охлаждено.

Он не ест сладостей и не пьет сладких ликеров за едой».

4 мая Петр выехал из Кале в Париж, по своей привычке отказавшись следовать заранее намеченному маршруту. В Амьене ему была приготовлена торжественная встреча, но он объехал город. В Бове, где он осмотрел древний неф самого высокого готического собора во Франции (XIII–XVI вв.), царь уклонился от торжественного обеда, который хотели устроить в его честь. «Я солдат, – сказал он епископу Бове, – с меня довольно хлеба и воды». Тут Петр покривил душой; он, как и прежде, любил вино, причем предпочитал свое любимое токайское всем французским сортам. «Благодарствую за венгерское, которое здесь зело в диковинку, – писал он Екатерине из Кале, – а крепкиша [водки] толко одна флаша асталась, не знаю как быть».

В полдень 7 мая в Бомоне-на-Уазе, в двадцати пяти милях к северо-востоку от Парижа, Петр обнаружил, что его ждет маршал Тессе с поездом королевских карет и эскортом кавалерии в красных мундирах личной королевской охраны. Приветствуя царя, когда тот выходил из кареты, Тессе отвесил глубокий поклон, подметая шляпой землю. Петра восхитил экипаж маршала, в котором он и въехал в Париж через ворота Сен-Дени. Однако царь не пожелал, чтобы маршал сидел с ним в карете, предпочтя общество троих россиян. Тессе, чьей обязанностью было угождать, последовал за Петром в другом экипаже.

Процессия подъехала к Лувру в 9 часов вечера. Петр вошел во дворец и осмотрел апартаменты покойной королевы-матери. Как и предсказывал Куракин, царь нашел их слишком роскошными и ярко освещенными. Его поджидал великолепно накрытый обеденный стол на шестьдесят персон, но он только пожевал немного хлеба с редиской, отведал шесть сортов вина и выпил два стакана пива, после чего вернулся в свою карету и со всей своей свитой укатил в Отель Ледигьер. Тут Петру понравилось больше, хотя и здесь он нашел, что предназначенные ему покои слишком велики и пышно убраны, и приказал поставить свою походную кровать в маленькой гардеробной.

На следующее утро регент Франции Филипп Орлеанский явился с официальным приветственным визитом. Въехавшую во двор Отеля Ледигьер карету регента встречали четверо дворян из царской свиты, которые проводили гостя в приемную. Петр вышел из своих апартаментов, обнял регента, а потом повернулся к нему спиной и направился к себе в комнату, предоставив Филиппу с Куракиным, который был за переводчика, идти следом. Французы, подмечавшие каждый нюанс протокола, были оскорблены и фамильярными объятиями Петра, и тем, что он пошел впереди регента; в этих действиях они увидели «надменное высокомерие» и «отсутствие всякой любезности».

В комнате Петра поставили два кресла, и собеседники уселись друг напротив друга, а Куракин встал поблизости. Они проговорили почти час, и все это время обменивались шутками. Затем царь вышел из комнаты – вновь впереди регента. В зале для приемов он сделал глубокий поклон (довольно неуклюжий, по мнению Сен-Симона) и покинул своего гостя на том самом месте, где и встретил его. Такая педантическая точность для Петра была неестественна, но он же приехал в Париж с важной миссией и считал необходимым соответствовать требованиям столь чутких к этикету хозяев. Остаток этого дня и весь следующий, выпавший на воскресенье, Петр просидел безвыходно в Отеле Ледигьер. Как ни тянуло его поскорее увидеть Париж, он заставлял себя соблюдать протокол и оставался затворником, ожидая официального визита короля. Вот что он писал в эти дни Екатерине: «...Два или три дни принужден в доме быть для визитов и протчей церемонии и для того еще ничего не видал здесь; а з завтра или послезавтра начну всего смотреть. А сколько дорогою видели, бедность в людех подлых великая.

P.S. Сего моменту письмо ваше, исполненное шуток, получил; а что пишете, что я скоря даму сыщу, и то моей старости неприлично».

В понедельник утром король Людовик XV прибыл приветствовать своего царственного гостя. Царь встретил короля, когда тот вышел из кареты и, к изумлению французской стороны, взял мальчика на руки, поднял в воздух до высоты своего лица, обнял и расцеловал. Людовик, хотя и не был готов к такому проявлению чувств, воспринял его хорошо и не выказал ни малейшего страха. Оправившись от шока, французы были поражены любезностью Петра и нежностью, которую он проявил к мальчику; ему удалось как-то незаметно подчеркнуть равенство их положения, несмотря на разницу в возрасте. Еще раз обняв Людовика, Петр поставил его на землю и проводил в зал для приемов. Там Людовик проговорил краткую приветственную речь, полную заученных любезностей. Остаток разговора взяли на себя герцог дю Мэн и маршал Виллеруа, а Куракин опять переводил. Через пятнадцать минут Петр встал и, снова взяв Людовика на руки, отнес его в карету.

На следующий день в 4 часа пополудни Петр отправился в Тюильри с ответным визитом. Во дворе были выстроены роты королевских гвардейцев в красных мундирах, а когда подъехала царская карета, раздался барабанный бой. Увидев, что маленький Людовик ждет его возле лестницы, Петр выпрыгнул из кареты, подхватил короля на руки и внес вверх по ступеням дворца, где состоялась пятнадцатиминутная встреча. Петр так описывал ее Екатерине: «В прошлой понедельник визитовал меня здеший каралища, которой палца на два более Луки [любимого царского карлика], дитя зело изрядная образом и станом, и по возрасту своему довольно разумен, которому семь лет».

С официальным визитом царя в Тюильри протокольные требования были выполнены. Наконец-то Петр был волен выйти из дома и увидеть великий город.